

Как всегда в масть

Открылась выставка «Большой пасьянс Наталии Нестеровой»

Сорок картин на тему игральных карт одна из лучших русских художниц написала специально для выставки. Сюжет большинства картин — не процесс карточной игры, а существование странных человекоподобных существ, кожа которых — карточные листы. Существа эти борются, танцуют и объясняются в любви на языке глухонемых. Странность их кажется многозначительной.

Известия. 2006. — 24 июля. — с. 8
Ольга КАБАНОВА

О Наталии Нестеровой естественно сказать, что она большой и сильный русский художник. Так она заявила о себе в 70-е годы, таковой осталась и по сей день, когда и критерии оценки работы художника поменялись, и пришла мода на другое визуальное искусство. Нестерова эти перемены никак не задела и отношение к ней тоже. Сила ее дарования, профессиональное мастерство и живописная культура столь очевидны, что об актуальности ее работ или отсутствии таковой рассуждать бессмысленно. Ее картины принадлежат миру искусства, а не очередному этапу развития современной культуры.

У Нестеровой отчетливо узнаваемый почерк — энергичная, пастозная, «жирная» живопись, от количества краски холсты кажутся неподъемно тяжелыми. Такие же тяжелые, очень земные и очень упитанные и персонажи картин. Несмотря на это, они всегда в движении — куда-то бегут, порхают, летят. Неуклюжие телом и неказистые лицом, они чувствуют себя ангелами и своей наивностью вызывают симпатию.

Стиль нестеровских полотен при его очевидной узнаваемости вполне укладывается в определение «неопримитивизм», и, как у самых сильных художников этого стиля — у Анри Руссо или у

Наталии Гончаровой, — упрощенная грубость рисунка вызывает ощущение странной, подлинности живописного мира, который меж тем никак не похож на реальный. Отсюда, наверное, ощущение тревоги, многозначительности и таинственности, которой веет от таких картин, даже если никакое глубокое послание в них не закодировано. Впрочем, рационализировать и объяснять живописную магию — дело провальное. Невольно впадаешь в туманность, которая хороша только в качественной поэзии, а в маленьком служебном тексте о выставке как-то вроде и нелепа.

Картины Наталии Нестеровой хорошо продаются. В пресскаталоге выставки с гордостью написано, что стоимость ее работ в разы превышает среднюю стоимость работ современных русских художников на международном рынке. Что совсем не значит, что живопись Нестеровой коммерческая. И если ее и можно назвать салонной, то не в уничижительном смысле этого определения.

Новый «карточный» цикл оказался мне не таким сильным, как предыдущий библейский, и не таким нежным, как также показанная на выставке в «Доме Нашокина» серия картин отдыха симпатичных наивных персонажей, существующих в каком-то абсолютно условном, но явно дореволюционном русском дач-

Наталия Нестерова навсегда верна живописи

ном рае. Но вот это как раз — дело вкуса. Кого-то, наверное, интригуют именно истории про карточных людей.

Накануне вернисажа я задала Наталии Нестеровой несколько вопросов, она на них ответила. Правда, не могу похвастаться, что мне удалось Нестерову разговорить или спровоцировать на откровенность. Живописцы говорят не так ловко и охотно, как художники, работающие в актуальных, интеллектуальных направлениях. Те часто говорят много больше, чем их работы.

— Наталия Игоревна, в советские времена вас любили — много выставляли, о вас писали...

— Не могу сказать, что много.
— И теперь вас по-прежнему любят — выставляют, в позапрошлом году вам дали Госпремию. Можно сказать, что ваша профессиональная жизнь складывается очень успешно, вы работаете так, как вам хочется?

— Не знаю. Художник всегда недоволен собой.

— А почему вдруг возникла тема карт?

— Не вдруг. Я всегда много рисовала карты. Не только я. И Сезанн рисовал игроков в карты.

— А почему карты возникли после библейской серии?

— Не после. Первую картину на библейский сюжет я написала

в 1969 году, тогда же, кажется, и на карточный. Все по спирали идет.

— Вы являетесь академиком Российской академии художеств. Что это вам дает?

— Знаете, мы ведь не писали никаких заявлений о приеме. Нас просто приняли — и все. Я шеголяю своим академическим званием только перед слесарями. Нет в доме горячей воды — звоню в ЖЭК и говорю: «Я академик». Но и на них не действует.

— Многие художники старшего поколения с нежностью вспоминают советские времена. Им кажется, что сегодня власть равнодушна к искусству и это признак деградации общества.

— Ну все как-то пристроены. Многие преподают. Я двадцать лет проработала на комбинате Союза художников. Да, там распределяли заказы. Но для меня это было мучительно — я всегда боялась, что сделанное мной не возьмут. Правда, страну повидала: Самарканд, Бухара, Хива. Очень красиво. Но давно это было. Хотя я и сейчас волнуюсь перед выставкой. Всегда хочется проснуться на следующий день после вернисажа. Выставка — это такой стресс, такие переживания. Про себя ведь знаешь, что не получилось.

— Вы несколько десятилетий почти не меняетесь, не пробуете новых форм, как некоторые ваши коллеги, не делаете инсталляций или картонных фигур.

— А я живопись люблю, она меня волнует. И потом ведь художник, мне кажется, должен быть узнаваем. Я не бегу впереди паровоза. Меня интересует другой вид транспорта.

— А все разговоры о смерти картины, о том, что картина перестала быть фактом культуры...

— Это чушь. В Америке сейчас, наоборот, возвращается интерес именно к картине. Фигуративная живопись никогда не пропадала. Про смерть картины какой-то осел придумал. Это только хомо советикус может утверждать — только это и ничего больше. Если физически уничтожить всех живописцев, вот тогда картина действительно умрет. По мне работайте как хотите, бываю и инсталляции очень интересные. Я же не выношу пустых стен, мне всегда нужно, чтобы на них картины висели. В картину можно войти, в ней жить можно.